

Н.С. Гумилевым, а Н.В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к А.А., окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно А.А., страницы «Ада». От этого двустрочия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И вновь об этом будущем еще не догадывается крымская Ахматова, но уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Библиографические ссылки

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. / А. А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998–2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Худож. лит., 1986.
3. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского / А. А. Ахматова. – Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1977. – 387 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).
4. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.
5. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. – Изд. 2-е, испр. и доп. / В. А. Черных. – М.: Индрик, 2008. – 768 с.

Надійшла до редколегії 30 березня 2013 р.

УДК 821.161.1 – 312.6.09

О. А. Кирпа

Днепропетровск

ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аналізується наукова література з особливостей російської автобіографії. Розглядаються нові літературні явища.

Проводиться порівняння наукових монографій, в яких мова йде про генезис, поетику та типологію автобіографічної прози. Обрані найбільш цікаві, на наш погляд, класифікації автобіографій А. Павловського та Н. Ніколіної, у яких приділено велику увагу проблемі адресата, елементам «автокомунікації», ролі «чужого» слова,

а також «іншого» у формуванні свого «я». Інтертекстуальність автобіографічних творів розглянута з точки зору наявності в них епіграфів, назв цитатного характеру, використання порівнянь і метафор чужих текстів, а також включення в основний текст листів і різного роду документів. Простежено еволюцію автобіографічного жанру, починаючи з автоагіографій і аж до особливого етапу (XX ст.), коли спогади стали відрізнятися все більшою суб'єктивністю, асоціативністю, нелінійним характером і тягою до міфологічних узагальнень.

Ключові слова: *поетика автобіографічної прози, жанрове утворення, інтертекстуальність, сповідальний автобіографізм.*

Анализируется научная литература об особенностях русской автобиографии. Рассматриваются новые литературные явления.

Проводится сравнение научных монографий, в которых речь идет о генезисе, поэтике и типологии автобиографической прозы. Выбраны наиболее интересные, на наш взгляд, классификации автобиографий А. Павловского и Н. Николиной, в которых уделено большое внимание проблеме адресата, элементам «автокоммуникации», роли «чужого» слова, а также «другого» в формировании своего «я». Интертекстуальность автобиографических произведений рассмотрена с точки зрения наличия в них эпиграфов, заглавий цитатного характера, использования сравнений и метафор чужих текстов, а также включения в основной текст писем и разного рода документов. Прослежена эволюция автобиографического жанра, начиная с автоагиографий и вплоть до особого этапа (XX в.), когда воспоминания стали отличаться все большей субъективностью, ассоциативностью, нелінійним характером и тягой к міфологіческим обобщениям.

Ключевые слова: *поэтика автобиографической прозы, жанровое образование, интертекстуальность, исповеднический автобиографизм.*

Analyzes the scientific literature about the features of Russian autobiography. Discusses the new literary phenomenon.

A comparison of scholarly monographs, in which we are talking about the genesis, poetics and typology of autobiographical prose. Selected the most interesting, in our mind, the classification of autobiographies A. Pavlovsky and N. Nikolina, which paid great attention to the problem destination elements "autocommunication" role "foreign" words, as well as "other" in the formation of his "I". Intertextuality autobiographical works considered in terms of presence of these epigraphs, titles excerption's character comparisons and metaphors use other people's texts, as well as inclusion in the main text of the letters and various documents . The evolution of the autobiographical genre, since avtoagiografy and until a special stage (XX s.), when memories have become increasingly different subjectivity, associativity, the nonlinear nature and thrust of the mythological generalizations.

Keywords: *poetics autobiographical prose genre formation, intertextuality, confessional autobiographism.*

Анализ имеющейся научной литературы об особенностях русской автобиографии дает основания говорить, что она изучена недостаточно и по сей день основой для такого изучения все еще являются исследования М. Бахтина и Л. Гинзбург. Они, разумеется, глубоки и в свое время открыли и развили эту тему. Содержащиеся в них положения не устарели, однако, конечно же, не могли учесть те новые литературные явления, которые возникли на рубеже XX–XXI вв. Между тем в последние годы в свет вышло несколько научных монографий, в которых речь идет о генезисе, поэтике и типологии автобиографической прозы, в частности А. Большева [2], Л. Бронской [3], Н. Николиной [8]. Совершенно

очевидно, что эти исследователи сосредоточены на изучении именно художественной автобиографии. К сожалению, не все выводы, к которым они приходят, могут быть приняты без уточнения.

Так, в частности, Л. Бронская полагает, что под автобиографией нужно понимать «особое жанровое образование», что писатели русского зарубежья разрешали «проблему духовного человека» и что их «волновали проблемы этнонациональной ментальности (русская идея)» [3, с. 81]. Н. Николина подходит к исследованию автобиографической прозы несколько иначе. Она систематизирует её лингвистические аспекты и рассматривает как художественные, так и нехудожественные образцы этого жанра. Как справедливо отмечает Е. Гречаная, в ее книге «решение проблемы жанра ведется с опорой на совершенно определенные особенности автобиографического дискурса, на систему речевых средств: установка на достоверное сообщение о своей жизни (то, что Ф. Лежён называет автобиографическим пактом или соглашением), стандартизированный характер заглавий (в них устойчиво присутствуют понятия времени и/или пространства), стереотипность лексических объединений, образных формул, обилие общих мест» [5]. Уделено большое внимание проблеме адресата, элементам «автокоммуникации» (когда автор обращается к самому себе), роли «чужого» слова, а также «другого» в формировании своего «я». Интертекстуальность автобиографических произведений рассмотрена с точки зрения наличия в них эпиграфов, заглавий цитатного характера, использования сравнений и метафор чужих текстов, а также включения в основной текст писем и разного рода документов. Прослежена эволюция автобиографического жанра, начиная с автоагиографий и вплоть до особого этапа (XX в.), когда воспоминания стали отличаться все большей субъективностью, ассоциативностью, нелинейным характером и тягой к мифологическим обобщениям. Автор делает справедливый вывод о том, что «обострённое внимание к своему “я” не приводит <...> к его абсолютизации и к торжеству “эгоцентризма” в автобиографической прозе» [48].

В исследовании А. Большева акцент делается на «исповедническом автобиографизме», причем автор рассматривает его не на материале произведений, в которых содержится «саморепрезентация» автора, а лишь на материале тех, которые дают возможность видеть «внутреннего человека». Таким образом, в поле его зрения попадают произведения А. Фадеева, Ю. Олеси, Б. Пастернака, В. Шаламова, Ю. Домбровского, А. Солженицына, А. Битова, В. Белова, В. Распутина и некоторых других, о которых мы уже говорили выше. Обосновывая предмет своего исследования, А. Большев пишет, что для него важными являются лишь те произведения, «в которых количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка (нередко бессознательная) на исповедь становится доминирующей, <...> возникает эффект прикосновения к болевым точкам...» [2, с. 4]. Таким образом, это

исследование, в сущности, не может считаться изучением автобиографической прозы, поскольку автор не касается ни механизмов создания автобиографии, ни её специфики.

Над жанровыми особенностями русской мемуарно-автобиографической прозы 1990–2000-х гг. размышляет украинская исследовательница О. Климчук, в диссертационной работе которой отмечается, что «новой “хвилею” активності позначено между ХХ–ХХІ століття, коли в мемуарно-автобіографічній прозі відбувається певний якісний зсув. Тепер твори охоплюють не так соціальну, як загальнофілософську проблематику, характерну для епохи постмодерну, специфічне розуміння особистості, художню картину світу-“хаосу”, процес переоцінки усталених цінностей та переосмислення художніх орієнтирів, розмірковування над долею покоління, яке яскраво реалізувало свої таланти в 60–70-ті роки. Відзначимо, що більшість творів цього періоду є складними жанровими утвореннями. Вони поєднують риси безпосередньо спогадів, автобіографії, літературного портрету, есе, метапрози, а інколи філософського й психологічного романів, другий з яких узгоджується з класичною традицією, та постмодерністського гіпертексту» [7, с. 1]. Целью работы О. Климчук стало «виявлення жанрових модифікацій та доміантних напрямів розвитку мемуарно-автобіографічної прози 1990–2000-х років на базі цілісного аналізу найбільш репрезентативних текстів» [7, с. 1], в качестве которых были избраны произведения А. Наймана, В. Попова, С. Юрьенена и А. Чудакова.

Исследовательница приходит к справедливому выводу о том, что проза такого рода изучена недостаточно. В понятийном аппарате диссертации она атрибутируется как мемуарно-автобиографическая, потому и в обзоре литературы речь в основном идет о характерных особенностях мемуаристики. В связи с целью нашего исследования особенно важным представляется второй раздел исследования О. Климчук, посвященный книге А. Наймана «Славный конец бесславных поколений». Автор полагает, что определяющим для этой книги является «установка на достовірність <...> в описі минулого, створенні літературних портретів та образу автобіографічного героя. Натомість романістичні інтерпретації виявляються в намаганні зробити глибокі узагальнення, увести конкретний матеріал до загальносвітового культурного контексту. Власна оповідь асоціюється автором з “вічними” історіями, оповідач – з Адамом, який дає імена, “багатослівне ім’я” минулому, що застигає до міцності “каменя” як символу вічності в “пластинках” – оповіданнях. Завданням оповідача в такому контексті стає відокремлення вічного від минушого (його символом є рослина в’юн, що обплітає камені замку)» [7, с. 5]. Автор диссертации предпринимает попытку найти источники «чужого» слова и полагает, что оно восходит, в основном, к тестам Серебряного века. Вместе с установкой на

достоверность повествования О. Климчук отмечает также отказ А. Наймана от узкой фактографичности во имя широких обобщений, которые не представляются ей безусловными, и предполагает, что писатель прибегает к модернистскому мифотворчеству. Жанр этого произведения автор исследования определяет так: «...основным вектором жанрового синтеза стає не поєднання автобіографії з романом (як уважають критики), а злиття особливостей автобіографії, літературного портрету, проповіді, сповіді з яскраво вираженою екзистенційною спрямованістю. Розмежування мемуарів і роману постійно декларується, у творі актуалізовано опозиції “правда”/”брехня”, “те, що було насправді”/”вигадка”, “дійсність”/”візія”. Вони структурують автоінтерпретацію й літературні портрети, зумовлюють протистояння героїв-ідеологів» [7, с. 5–6]. Отметим, что книга А. Наймана все же представляет собой писательскую автобиографию, поэтому размышления О. Климчук о характере соотношения романного и мемуарного не вполне уместно. Писатель тяготеет к описательно-аналитическому осмыслению своей жизни, стремится поместить себя в социум, размышляет над его особенностями, в т. ч. говорит и о характерных чертах поколения, к которому принадлежит. Потому спорным представляется нам и попытка автора диссертации совместить в этих рамках автобиографию, мемуары и литературный портрет [7, с. 6]. Все же их задачи разнятся, а в книге А. Наймана документальное преобладает над художественным, причем аналитическое начало доминирует над исповедальным. Не случайно и автор диссертации приходит к выводу, что «...часто автобіографічні завдання виносяться на передній план. Серед них варто виділити відтворення процесу формування особистості, вибору культурних орієнтирів, обстоювання власної самості в боротьбі з ослабленою тоталітарною системою, узагальнення особистісних досягнень. Автор відходить від традиційної побудови автобіографії за віковими періодами, автобіографічні завдання співвіднесені з іншими: описом самопочуття типового інтелігента в 1960–1970-ті роки, дослідженням специфіки та стосунків “ленінградської” і “московської” поетичної школи, обговоренням особливостей різних національних культур. Певний вплив на розуміння автобіографічної теми мають постмодерністські установки, зокрема, у творі деконструюється ідилічний дискурс дитинства, ідеалізація юності, водночас опис себе у зрілому віці позбавлений іронії та набуває пафосного тону, що порушує стилістику постмодернізму» [7, с. 6]. С этими наблюдениями можно согласиться. Тем не менее О. Климчук предпринимает попытку рассмотреть книгу А. Наймана в контексте проповеднической литературы, что представляется некоторой натяжкой. Возможно, основание для такого толкования ей дали последние страницы книги А. Наймана, где он повествует о своем религиозном опыте. Однако нельзя не заметить, что речь идет о совершенно специфическом, индивидуальном опыте русского «выкреста», и здесь, вероятно,

контекстом могла бы стать книга В. Топорова «Признания скандалиста», где также речь идет о подобном опыте, а не произведениях А. Солженицына, А. Волкова и др., в сравнении с которыми анализируется книга А. Наймана. Разумеется, автор пишет о собственном обретении христианской веры в противовес безбожному, «бесславному» поколению, которое так и не нашло своей истины, своего идеала. Но в этом больше от исповеди, чем от проповеди, не говоря уже об отсутствии в этих главах жанровых признаков проповеди.

Особый интерес представляет статья И. Паперно «Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель» (2004) [9] в рубрике «Нового литературного обозрения» «Построение автобиографии: историческое, приватное, фикциональное». В ней же опубликована и интересная статья В. Гудковой «Как официоз «работал» с писателем: эволюция самоописаний Юрия Олеши» [6]. И. Паперно отмечает, что увеличение доли автобиографических текстов свидетельствует «об историзации частной жизни и приватизации истории. Это проявление того, что принято называть “историческим сознанием”, понимая под этим самоосознание или самоутверждение за счет соотнесения своего “я” с понятием истории» [9]. И. Паперно полагает, что историческое сознание тесно связано с мемуарным и автобиографическим письмом и предпринимается попытку проследить его специфику от Герцена через Гегеля к Гинзбург. Такая установка подтверждается многочисленными отсылками к мнению авторов, сознательно ориентировавшихся на опыт А. Герцена как автора «Былого и дум». О своеобразии жанра этой книги, которая не может быть однозначно отнесена ни к мемуарной, ни автобиографической прозе, писал В. Баевский. Эта книга сложна по составу, отмечает он, содержит черты жанровых разновидностей документальной прозы: «...мемуаров, и исповеди, и романа (с его правом на вымысел), включающий литературные портреты, казённые документы, письма, дневниковые записи. У “Былого и дум” в русской литературе есть, в свою очередь, только один жанровый прообраз: древняя летопись...» [1, с. 475]. Это не только уточняет представление о жанровой природе текста, анализируемого И. Паперно, но и дает иное толкование его образцов. Вместе с тем можно согласиться с мнением исследовательницы о том, что «...для советских мемуаристов “Былое и думы” – это основополагающий текст интеллигентской культуры, главным образом потому, что мемуары Герцена закрепили формы повседневной и эмоциональной жизни, сложившиеся в семейных и дружеских кружках поколения, родившегося в наполеоновскую эпоху (и пережившего 1825 и 1848 годы), – сообщества людей, связанных ощущением исторической, социальной, политической и апокалиптической значимости интимной жизни, разделённой с кругом “своих”. Посредством чтения люди XX века (и мужчины, и женщины) приобщались к жизни, описанной Герценом, – и за счёт отождествления

себя с Герценом и его окружением, и за счёт воспроизведения подобных социально-эмоциональных парадигм на материале собственной жизни, в советских условиях (будь то у себя на даче или в “доме Герцена”)» [9]. Таким образом, читая «Былое и думы», советские читатели проецировали её события на свою жизнь и осмыслили её подобно тому, как это сделано у Герцена.

Вероятно, потому так ценилась в среде русской интеллигенции середины XX в. книга Л. Гинзбург «О психологической прозе» [4], в которой охарактеризована жизнь русских образованных людей в 1840-х гг. Л. Гинзбург стала и автором монографии о «Былом и думах», а также записок о жизни советских интеллектуалов, которые пользовались огромным успехом при устной передаче, а затем и при публикации. Автор статьи дает широкий экскурс в историю европейского автобиографизма, подчеркивая, что уже после падения Наполеона история стала «массовым опытом» и фиксировалась в романских и автобиографических формах. И. Паперно полагает, что гегелевская «Феноменология духа» стала импульсом к осознанию индивидуального, а также внеиндивидуального опыта, который воплощался именно в истории. В литературе возникает роман, «который отражает в себе историческое становление мира, и притом (на этом особенно настаивал М. Бахтин) действие разворачивается на рубеже двух эпох, в точке перехода. <...> Как принято считать, именно в этот период автобиография усвоила идею историзма: достаточно привести в пример мемуары Гете “Поэзия и правда” (1809–1832), в которых биографическое время совмещается с историческим» [9]. Автор статьи высказывает предположение о том, что в России тот же процесс был связан с поколением, которое прошло становление под влиянием философии Гегеля, «то есть с людьми, формы жизни и сознания которых и были кодифицированы в “Былом и думах” Герцена» [9].

Как и Л. Гинзбург, И. Паперно полагает, что для характеристики жанра важнейшей является формула Герцена, основанная на определении авторской позиции: «“Былое и думы” не историческая монография, а отражение истории в человеке, *случайно* попавшемся на ее дороге”. Л. Гинзбург пользуется этой знаменитой формулой (ее цитируют едва ли не все исследователи Герцена) как своего рода иероглифом жанра, который она описала как совмещение истории (то есть историографии) с автобиографией или мемуарами» [9]. Опираясь на опыт Герцена как своего рода образец, Л. Гинзбург и в своих собственных записях говорит о биографии как жизни личности в истории. Важнейшей темой, которая развивается в автобиографической и мемуарной прозе, начиная с наполеоновской эпохи, стала тема власти. Рассматривая ее своеобразие в книгах Л. Гинзбург, И. Паперно приходит к выводу о том, что «люди постсталинской эпохи пользовались образом столкновения человека с историей как эмблемой той концепции истории и власти, с помощью которой они пытались объяснить необъяснимый опыт сталинских лет» [9].

Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания, в том числе И. Эренбурга. Думается, эта тема является важнейшей и для автобиографической прозы Ю. Нагибина, в которой, впрочем, происходит ее переосмысление: писатель видел и воспринимал власть и ее представителей уже не как «опыт переживания трансцендентного». В его автобиографической прозе немало фрагментов, свидетельствующих об ироническом снижении, относящемся, вероятно, к сегодняшней позиции автора-повествователя.

И. Паперно полагает, что в советской автобиографической прозе выражается гегельянское представление об истории и центральным становится момент столкновения человека с вождем или другим вариантом выражения его образа (разговоры, размышления о нем, страх). Вместе с тем в постсоветскую эпоху проявилась и иная особенность автобиографического письма, которую И. Паперно называет «новым антиисторизмом». «Так, Сергей Козлов в 2001 году, представляя читателю методологию “нового историзма” в гуманитарных науках, – говорит И. Паперно, – со скорбью пишет об “отчуждении от истории” в российском обществе как о “синдроме”, связанном с “усталостью старших поколений, накопившейся за двенадцать лет лихорадочного “бытия-в-истории” и с вхождением в жизнь первого постсоветского поколения”» [9]. Но и представители прежних поколений, осмысляя свою жизнь, иначе, чем советские писатели, решают проблему взаимоотношения человека и власти. Свидетельством этому могут быть не только книги Ю. Нагибина, писателя вполне советского, но и таких «антисоветских» литераторов, как, скажем, В. Топоров или Э. Лимонов. Думается, речь должна идти об изменении позиции автора, который в советской автобиографической прозе момент соприкосновения с властью осмыслял в сакральных категориях (эпизод со звонком Сталина Пастернаку). В 1990–2000-е гг. на первый план в автобиографическом повествовании выходит иное.

В литературе неоднократно предпринимались попытки классификации автобиографий. Наиболее интересными из них, на наш взгляд, являются классификации А. Павловского и Н. Николиной. А. Павловский выделяет три группы произведений в автобиографиях русского зарубежья: собственно-мемуарные, исповедальные и романно-автобиографические («симбиозные»). В его классификации, таким образом, присутствует и мемуаристика, и романский жанр, т. е. произведения прозы документальной и художественной. Это деление, в принципе, верно, но оно не учитывает ряд сложных явлений, особенно возникших на рубеже XX–XXI вв., поскольку основано на материале литературы русского зарубежья. Более гибкой и универсальной нам представляется классификация Н. Николиной. На её основе мы предлагаем среди произведений, тяготеющих к беллетризированной форме, выделить три основных типа: лирическая проза, проза, имитирующая форму автобиографии, и собственно автобиографическая

проза. В последней группе произведений очевидны две доминанты: исповедально-лирическая и описательно-аналитическая.

Библиографические ссылки

1. Баевский В.С. Жизнестроитель и поэт (о Леониде Семенове) / В.С. Баевский // Л.Д. Семенов. Стихотворения. Проза [Сост. В.С. Баевский]. – М.: Наука, 2007. – 578 с. (Серия «Литературные памятники»).
2. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века: автореф. дис. на соискание научной степени д-ра филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». – СПб., 2003. – 32 с.
3. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья (первая половина XX века): И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин: автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Л.И. Бронская. – Ставрополь, 2001. – 20 [1] с.
4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература: Ленинградское отд. – 1977. – 443 с.
5. Гречаная Е. Автобиографизм русской прозы (Обзор новых книг) : [Электронный ресурс] / Е. Гречаная // Новое литературное обозрение. – 2003. – №63. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/gre.html>.
6. Гудкова В. Как официоз «работал» с писателем: эволюция самоописаний Юрия Олеши : [Электронный ресурс] / Виолетта Гудкова // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/ud6.html>.
7. Клімчук О.В. Російська мемуарно-автобіографічна проза 1990-2000-х років: жанрова специфіка: автореф. дис. на здобуття наукового ступеню кандидата філологічних наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / Оксана Вікторівна Клімчук. – Херсон, 2008 – 20 с.
8. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие / Н. А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 с. (Серия: «Филологический анализ текста»).
9. Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель : [Электронный ресурс] / Ирина Паперно // Новое литературное обозрение. – 2004. – №68. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/pap5.html>.

Надійшла до редколегії 10 квітня 2014 р.

УДК 821.112.2(436) – 312.6.09

Я. В. Ковальова, О. О. Михлик

Дніпропетровськ

ТИПОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОБІОГРАФІЇ ЯК ДОКУМЕНТАЛЬНО-ЛІТЕРАТУРНОГО ЖАНРУ

У статті презентуються сучасні теоретичні підходи щодо вивчення мемуаристики, висвітлюються онтологічні питання автобіографії, аналізуються найбільш традиційні структурні елементи автобіографічного тексту та його актуальні жанрові техніки.